

22 См.: *Paul Verlaine. Oeuvre en prose complètes*. P., 1993 (Bibliothèque de la Pléiade), p. 1219. Ср. также недатированное письмо Верлена к Казальсу за 1888 г. с надписью на конверте, сделанной рукой Верлена: «M. A.-F. Cazals, aux bons soins de M. G. Livoff. Dr. du PARIS-LITTÉRAIRE, 33, rue de Poissy, E. V.», а в левом верхнем углу его же рукой: «Urgent. P. V.» (Цит. по кн.: *Georges Zayed. Lettres inédites de Verlaine à Cazals*. Genève, 1957, p. 88).

23 *Le Temps*, 1890, 20 mai, p. 2, colonne 3.

24 *Officier et Brosseur*. – *Ermitage*, 1890, No. 2 (mai), p. 72–77 et 3 (juin), p. 105–113. Впервые – в *Paris littéraire*, 1888, No. 2, juin.

25 *Le Srapaud et la Rose. Conte russe*. – *Journal des Instituteurs*, 1890, No. 36, 7 septembre, p. 567–569.

26 Сведения, полученные из архива Гуверовского института (Hoover Institution on War Revolution and Peace, University of Stanford, USA).

27 *Wsewolod Garschine. Les Ours*. Traduit du russe par Grégoire Liwoff. – *Le mémorial diplomatique*, 1894, No. 2, 13 janvier, No. 3, 20 janvier, No. 4, 27 janvier, No. 6, 10 février.

28 *L'Afrique à propos d'un livre récent* (1894, No. 30, 28 juillet, No. 31, 4 août, No. 39, 29 septembre, No. 40, 6 octobre). Поводом к написанию статьи явилось брюссельское издание английского перевода книги: *A. Silva-White. Le Développement de l'Afrique*.

29 *A propos des récentes "interviews" concernant l'alliance franco-russe. De notre correspondant particulier*. 1895, 18 août.

30 *L'Allemagne et le fédéralisme*. 1896, No. 27, 6 juillet, No. 28, 13 juillet, No. 30, 26 juillet. Рецензия на книгу: *M. Le Fur. Etat fédéral et confédération d'Etats*, Paris, 1896.

31 «Наш блестящий сотрудник и друг Грегуар Ливоф, тщательно документированные работы которого по международным вопросам неизменно получали высокую оценку читателей "Дипломатического мемориала", публикует в книгоиздательстве "Плон, Нурри и К<sup>о</sup>" замечательный том о великом русском публицисте Михаиле Каткове. Накануне издания книги мы счастливы поместить в нашей газете несколько прекрасных страниц этого значительного труда» (*Mémorial diplomatique. Note de la rédaction*. 1896, dimanche, 29 novembre, p. 762).

32 Из диссертации *Joseph Backer. M.N. Katkov. Introduction to his Life and his Russian National Program. 1818–1870*. 1966. Pp. 151–152, 375.

33 См., в частности: *Le Temps*, 1897, 1<sup>er</sup> juin, p. 3, colonne 4.

34 *Max Belinski. L'ennemi du genre humain*. – *Almanach prophétique, pittoresque et utile pour 1903*. Paris, 1902.

Андрей Шишкин, Женевьева Пирон  
**«J'ENTREVOIS ET J'AIME LA VÉRITABLE  
 ÂME FRANÇAISE...»**

(К теме «Вячеслав Иванов и Франция»)¹

Кажется, что «Рим» и «Париж» в культуре Серебряного века принадлежали совсем разным, не находящимся в одном пространстве категориям. Это относится как к политической и символической географии христианской Европы, так и к построению литературной парадигмы в московском и петербургском символизме. Не будем касаться вопроса о том, сколь различным могло быть отношение к двум столицам в разных культурных течениях России XX века. Наша задача сейчас – обозначить или только наметить, каким образом они реализовывались в творчестве и биографии поэта и мыслителя Вяч. Иванова и его сына Димитрия.

**I.**

Год Всемирной выставки в Париже 1889 г., отмечавший столетие Великой французской революции, был ознаменован для поэта обдумыванием произведения «Эйфелева башня», которое, насколько известно, осталось неосуществленным². О первом приезде в столицу Франции Вяч. Иванов рассказывал в своем «Автобиографическом письме» так: «В 1891 г., отбив в Берлине девять семестров и напутствуемый наставлениями Гиршфельда тщательно передумать и изложить по латыни свою диссертацию, а также хорошо изучить Лувр, я отправился в Париж... Мы поселились вблизи Националь-

ной Библиотеке у одного chef d'institution et officier d'Académie, под руково́дством которого я в течение почти года ежедневно упражнялся в французской стилистике»<sup>3</sup>.

Как следует полагать, в 1891 г. был задуман и написан один из первых поэтических циклов Вяч. Иванова, который автор счел достоянием опубликования. Это цикл «Парижские эпиграммы», включенный в книгу «Кормчие Звезды» (1903). А. Блок в статье «Творчество Вячеслава Иванова» специально отметил их – «острые, краткие, сильные»<sup>4</sup>. При желании лирического героя цикла можно соотносить с фигурой «русского путешественника» в Париже, который, с одной стороны, поражен и восхищен достижениями французской цивилизации, основанными на завоеваниях Великой французской революции, а с другой – подвергает их критической рефлексии. Первую модель такого русского путешественника в Париж, как известно, создал Карамзин, а последующие путешественники склонялись либо к более критическому, либо к апологетическому полюсу; крайнюю позицию выказал в своем дневнике Л. Толстой, рассказывая о своем посещении пробыницы Наполеона<sup>5</sup>. Позиция Вяч. Иванова на фоне этой традиции как будто напоминает Карамзинскую: на первый взгляд может показаться, что русский поэт был столь же «апаталником», сколь и «славянофилом», настолько второе порой уравнивались

Примером вышесказанного может служить открывающая цикл эпиграмма «Странник и статуя» (1, 626), посвященная, как кажется, статуям в Тюльри: по мысли поэта, статуи пострадали в ходе революции того насилья, он то был «гнев живых» на живых. Парижские статуи сопоставлены со статуями в «снежной Скфии» (можно думать, в петербургском Летнем саду) – здесь, «в саркофагах снеговых», «вечно бездыханный», в замороженном севере им жить не удастся: не исключено, что перед нами аллюзия на формулу К. Леонтьева «надо подморозить хоть немного Россию», ставшую популярной с выходом в свет в 1885 г. его книги «Восток, Россия и славянство».

Выбор парижских памятников для стелующих трех эпиграмм таков – «Вандомская колонна», «Робинца Наполеона» и «Лантеон». Колонна, отлитая из русских и австрийских пушек – трофеев при Аустерлицком сражении 1805 г. (а в 1871 г. разрушенная коммунарами, а затем восстановленная), для лирического героя цикла – символ француженской славы, она вызывает «трепет». Тем интереснее для темы фран-

цузской славы ее развитие в стелующей эпиграмме, своеобразном диалоге или споре русского путешественника и Наполеона: его торжественный поребачный культ (замечательно снижение от названия – «Робинца Наполеона» – к первой строке эпиграммы, но ответ самого императора таков, что правда вряд ли только на одной стороне:

«Этот год вееречивый –  
О, герой! – не преклонит  
Суду пиemen разноречивый,  
Славы спор – и эвменид!»  
– «Жив и мертв, подъямлю клик:  
Вь – ничтожны, я – велик!»  
(1, с. 627)

Следующие пять эпиграмм были посвящены триединой формуле Liberté, Égalité, Fraternité – Свобода, Равенство, Братство<sup>6</sup>; в первой эпиграмме «Qui pro quo» (1, с. 858) – как непримиримое противоречие между свободным секулярным государством и христианством, в последующих двух – как высшая ценность (1, с. 628), в заключительных (1, с. 628) – с ироническим снижением: формула окказывалась надписью над входом на кладбище (кладбище Монпарнас) и в торжестве (видимо, торжестве Мазас, образцовое узалище XIX века).

Из-за вешательств цензуры в части тиража книги «Кормчие Звезды» первая эпиграмма («Qui pro quo») заменена эпиграммой «Клиф пивает»: «Стены Вольности и Прав / Диким скифам не по нраву...». Этот текст вводит тему, важную для истории русской мысли – «Исследовать справедливо отмечает, что „мы“ – это „дикие скифы“, „рушители-вандалы“, приваенные не только раз-рушить уют европейской цивилизации, но и обновить ее. <...> Европа – мир „раней“, „стен“, „храмов“, „дворцов“, т.е. мир *organizational*, мир заставших внешних форм. Ему противостоит мир „своеволья“, „нестройности“, „хаоса“ диких скифов, мир движения и свобода». Иными словами, в этой эпиграмме реализуется антигеза «Вь – мы», Европа – Россия, вплоть до самого широкого: «Европа – «Скфия», а то и «Европа» – «Азия». Однако в отличие от пуш-кинских «Куветникам России» (1831) и блоковских «Скифов» (1918) эта антигеза здесь, как и во всем цикле, окказывается менее

Поворот темы «слава Франции» происходит в эпиграмме «À toutes les gloires de la France» («Всем славам Франции», это надпись на портале Версальского дворца, ставшего в 1830-е года музеем): чужестранец ставит другие завоевания французского гения выше его военной славы. Почти невозможное в русском языке «всем славам» подчеркивает главный конструктивный принцип эпиграмм: амбивалентность, полисемичность<sup>8</sup>, многозначность слова, термина, категории в языке и истории как одной нации, так и всей Европы. Например, исторические монументы и реалии Парижа читаются через монументы и реалии Древнего Рима (ср. «Пантеон», «Панацея», «Jura mortuorum», «Jura vivorum», «Caveant consules»). Вообще на многозначности построен весь цикл: великая историческая нация, мятежная и буйная страна, наполненная культурными ценностями, но и иссякающая энергиями, все это ставит вопрос о том, что такое цивилизация и что ей прогивостоит, что представляет ценность – пантеон великих покойников или живой дух христианства, украшенный гроб или слава, величие и смерть, слова в камне и на стенах храмов или свобода.

Примечательна в этой связи полисемантическая природа слова «Gallus» – «Галл», которая на первый взгляд может показаться простой игрой слов. Этим словом озаглавлена заключительная эпиграмма в цикле:

### Gallus

Долги дни, глашатай света!  
Мир от темных сил блюди;  
Упреждай лучи рассвета;  
Бодрствуй сам – и нас буди!

(I, с. 632)

Здесь реализуются два значения латинского слова – петух и галл, а весь катрен выражает обдуманную культурную концепцию, предназначение великой нации в европейской, в том числе и русской истории. Но наряду с этим предельно высоким значением слова «gallus» отметим его ироническое снижение в катрене «Панацея»:

Кто – скорбит по езуите,  
Кто – зовет в страну царей:  
Галлы, Галлы, призовите  
Чужеземных матерей!

(I, с. 628)

Как пишет С. Аверинцев, третье значение слова «gallus» – оскотленный жрец, участвовавший в перенесенном с Востока в Рим культе Кибелы. Последняя строка отсылает к «Фастам» Овидия (IV, 255–262). «Вся соль, что французы упадочной и меланхолической поры fin du siècle предстают, как хладные скопцы, пригодные для Кибелина культа. В этой атмосфере по привычке еще ведутся неприметно мельчающие толки о политике, еще строятся планы монархических реставраций. <...> Поиски *Materi*, как в дни Древнего Рима, предполагаются предстоящими в каких-то чужих землях; кто-то извне должен возратить приунывшим галлам плодородное, рождающее богов чрево...»<sup>9</sup>

Сейчас мы не ставим целью интерпретировать все эпиграммы, составляющие цикл 1891 г. Отметим только, что в написанном спустя четверть века сонетном диптихе «Париж» (1916) смысл развивается вдоль оси двух параллельных полустихий в начале первого катрена первого сонета и в начале первого терцета сонета второго: «Обуреваемый Париж» – «Всечеловеческий Париж». В первом сонете антиномически изображены его самые разнообразные лики. Это священный город, город Людовика, Юлиана, Картезия, Моле, Паскаля, Бальзака, но также и демонов Люцифера и Аримана. Кажется, что обозначенные выше полисемантические стратегии поэта непосредственно связаны с его верой в личностно-сверхличное единство человеческого рода (наиболее полно она художественно воплотилась в мелопее «Человек», 1915–1919). Можно думать, что такого рода взгляд на столицу Франции снимает противопоставление «западника» «славянофилу».

Французская тема вновь делается первостепенной в поэзии Вяч. Иванова в 1914 г., в первые месяцы Мировой войны. Как известно, 2 августа 1914 г. немецкие армии подошли к Парижу, после битвы на Марне 11 сентября были отброшены, но осадили и взяли Реймс. Реймский собор – национальная святыня Франции – был обстрелян и сгорел. В России на гибель собора отозвались в своих поэтических произведениях В. Брюсов, М. Волошин, М. Кузмин, О. Мандельштам, Ф. Сологуб, И. Эренбург. Редактор журнала «Аполлон» С. Маковский (сам он еще 14 сентября опубликовал в «Биржевых ведомостях» статью «Гибель Реймского собора») решил открыть первый номер журнала за 1915 г. стихотворением Вяч. Ива-

нова «Суд» (оно написано 18 ноября 1914)<sup>10</sup>. В мифо-поэтическом видении Вяч. Иванова великая война изображена как Страшный суд, перед которым предстали воюющие европейские народы:

На Суд, где свидетели – Громы,  
Меч острый – в устах Судии,  
Народные Ангелы в споре  
Сошлись о вселенском просторе<sup>11</sup>.  
Чей якорь в незыблемом море,  
В Софийном лежит Бытии?  
Чья правда? Но сень Иоанны,  
Ковчег крестоносцев узорный, –  
Червей огнедышащих зевы  
Вотще пожирают собор!  
Чья сила? Но перст Женеваевы  
От Града, как встарь, чудотворный,  
Отвел одержимые станы, –  
И явен святой приговор.

Другими словами, несмотря на кажущееся поражение – гибель собора в огне и прямую угрозу Парижу, заступничество покровительниц Франции – Жанны д'Арк, св. Женеваевы и Девы Марии – Город и страна спасены. Как мы увидим ниже, для Вяч. Иванова важно это «несмотря», противопоставленность внешнего и внутреннего.

## 2.

В петербургское и последующее московское семилетие контакты с миром французской науки и культуры мало выявлены, немногие известные факты кажутся отрывочными и фрагментарными. В военные годы Вяч. Иванов поддерживал контакты с Ж. Патуйе, директором Французского института в Петербурге. Можно думать, что он каким-то образом был причастен к проектам Патуйе по француско-русскому научному и культурному сближению<sup>12</sup>, но обстоятельства этого неизвестны. Зато есть сведения о контактах поэта с другом Патуйе – Пьером Паскалем, впоследствии знаменитым французским славистом. Первый раз имя Иванова упоминается в дневнике Паскаля 17 мая 1917 г. В 1918 г. рукопись неопубликованного стихотворе-

ния Иванова «Суд» («На суде пред Божиим престолом...»), написанного в связи с поражением России в войне и началом гражданской войны, передал Паскалю философ С. Аскольдов (Алексеев)<sup>13</sup>. Особо примечательна подробная запись Паскаля о вечере у Вяч. Иванова 8 апреля 1918 г. Следует полагать, что на темах общего разговора на этом вечере как-то отразились идеи Паскаля, прозвучавшие в его лекции «Русская душа. Взгляд католика» в октябре 1917<sup>14</sup>. Однако собственные реплики Паскаль в записи почти не зафиксировал. Паскаль был очарован встречей с поэтом, замечательно зафиксированное автором дневника опасение Иванова, что он чрезмерно стал западником.

Soirée chez V.I. Ivanov: délicieux vieillard, visage infiniment fin et expressif, cheveux bouclés sur la nuque, tout rasé, veston d'intérieur noir. Un écrivain son ami a lu une nouvelle, concise et troublante. Puis Ivanov a suscité un échange d'idées sur la guerre, l'avenir de la civilisation, la révolution, l'Eglise. Délices vraiment russes. Les dames se taisaient. Il n'y a pas eu de paroles contre le peuple russe. Ivanov estime que le mal vient entièrement du capitalisme: les bolcheviks cherchent le bien.

Mais le péché des Russes est de ne reconnaître que l'ordre de la grâce et d'en abuser. Rome et les Jésuites n'ont-ils pas une secrète propension vers l'Allemagne, parce que, au contraire des alliés, divisés entre eux et désordonnés, elle représente l'ordre, la hiérarchie? Je réponds, et suis soutenu par l'autre écrivain, que l'ordre sans l'esprit, l'ordre matériel n'a pas de valeur. Un peu après, Ivanov a avoué qu'il avait parlé par raison, mais que son cœur penchait pour l'excès de la grâce, qu'il a pratiqué personnellement.

Il s'intéresse au mouvement religieux en France, s'enquiert de ses caractères, si on croit à la fin du monde, à l'Apocalypse. Il cite alors une parole de Berdiaev: le Français est nécessairement dogmatique ou sceptique, l'Allemand mystique ou critique, le Russe apocalyptique ou nihiliste, parce que les premiers sont dans le domaine du transcendant, les seconds dans celui de l'immanent, les Russes dans les deux: Dostoïevski est apocalyptique, Tolstoï nihiliste. On pose la question: Et V. Ivanov? Il est embarrassé et l'élude. Puis on se demande: Et Pouchkine? Je dis: Nihiliste. Ivanov avoue que *Le cavalier d'airain* sonne bien comme cela, mais il a aussi des accents apocalyptiques. Il se félicite alors d'être avec Pouchkine, car autrement il eût dû s'accuser de n'être plus russe, d'être trop occidentalisé. – En effet, il

cite du latin; il a chez lui des bas-reliefs antiques; je vois dans son salon des reproductions encadrées de monuments grecs.

Récemment, Ivanov a causé avec un vieux-croyant, Kirillov, savant auteur d'un livre sur *La vieille foi*, à propos des événements actuels. Pour nous, a déclaré l'autre, le monde est fini, nous vivons en dehors du temps, ce qui se passe est presque inexistant. – Depuis quand? – Depuis 1667. C'est alors qu'a eu lieu la grande catastrophe. Ivanov juge cette conception grandiose.

Les vieux-croyants, l'Allemagne et le Pape sont d'ailleurs les trois colonnes de l'ordre et de la loi. Ivanov estime que la France est plus religieuse qu'elle n'en a l'air; la Russie aussi. Je dis seulement que la France est anticléricale. <...>

(Вечер у В.И. Иванова: прелестный старик, тонкое и выразительное лицо, локоны на затылке, бритый, в черном жилете. Его друг писатель прочитал рассказ, краткий и волнующий. Потом по инициативе Иванова заговорили о войне, о будущем цивилизации, о революции, о Церкви. Истинно русские очарования. Дамы молчали. Ничего не было сказано против русского народа. Иванов полагает, что зло идет исключительно от капитализма: большевики стремятся к добру.

Однако грех русских – признавать лишь категорию благодати и злоупотреблять ею. Нет ли у Рима и иезуитов тайной естественной склонности к Германии, ибо эта страна, в отличие от разделенных между собой и лишенных порядка союзников, представляет собой порядок, иерархию? Я отвечаю, что порядок без духа, материальный порядок не имеет ценности. Меня поддерживает другой писатель. После Иванова признает, что хоть и говорил аргументами разума, но его сердце склоняется к избытку благодати, его собственная жизнь была больше движима избытком благодати.

Иванов интересуется религиозным движением во Франции, осведомляется о его характерных чертах, верят ли в конец света, в Апокалипсис. Цитирует слова Бердяева: француз неизбежно догматик или скептик, немец – мистик или критик, русский же – апокалиптик или нигилист, ибо первый находится в области трансцендентного, второй – в области имманентного, русские же – в обоих: Достоевский – апокалиптик, Толстой – нигилист. Задают вопрос: «А В. Иванов?» Он в затруднении, уходит от ответа. Потом вопрос: «А Пушкин?» Я говорю: «Нигилист». Иванов признает, что так на самом деле звучит «Медный всадник», но что в нем есть и звуки апокалипсиса. И радуется, что он с Пушкиным, иначе ему пришлось бы обвинить самого себя,

что он уже более не русский, что он слишком стал западником. – И действительно, он переходит на латынь, в его доме античные барельефы, в его гостиной в рамках – изображения греческих памятников.

По поводу современных событий Иванов недавно разговаривал с одним из старообрядцев, – Кирилловым, автором ученой книги «Старообрядчество». «Для нас, – заявил Кириллов, – мир кончился, мы живем вне времени, происходящее почти не существует». «С какого момента?» «С 1667 года. Года великой катастрофы». По Иванову, эта идея – нечто грандиозное.

Старообрядцы, Германия и папа к тому же – три столпа порядка и закона. Иванов считает, что Франция более религиозна, чем представляется, то же и Россия. Я замечаю лишь, что Франция антиклерикальна. <...><sup>15</sup>

То есть, общий разговор шел вокруг антитез «Россия – Европа», «свобода – закон», «анархизм – порядок», «жить – по закону» (Рим, иезуиты, Германия), «жить – по благодати» (русские), славянофилы – западники, русские-нигилисты – русские-апокалиптики, скрытая религиозность народа – его внешняя обмирщенность. Замечательно, что эти антитезы в той или иной мере были сформулированы в свое время в приведенных нами выше произведениях поэта.

### 3.

Как известно, в начале 1920-х гг. поэт принял решение навсегда покинуть Советскую Россию. Уезжая из Москвы, он говорил: «Я еду в Рим, чтобы там жить и умереть»<sup>16</sup>. «Он мог бы отправиться, например, в Париж: многие русские обретались там. Но он не хотел оказаться в центре эмиграции»<sup>17</sup>.

Последние 25 лет жизни поэта прошли в Италии. В 1935 г. Вяч. Иванов, а за ним его дочь Лидия, получили итальянское гражданство. Однако прежде чем хлопотать о собственном гражданстве, поэт стал беспокоиться о том, гражданство какой страны должен был бы избрать себе его сын Димитрий – летом 1933 г. тот достигал совершеннолетия. От этого выбора зависела его будущая судьба как творческой личности. С 1930 по 1934 г. Д.В. Иванов учился в немецкой гимназии в швейцарском городе Энгельберг, однако не забыл французский, который изучал в Риме в лицее Шатобриан. «Le



français est devenu, si l'on peut dire, une langue maternelle *post factum*» («Французский стал, если можно так сказать, родным языком *post factum*»), – рассказывал о себе Д.В. Иванов. – «J'étais très rilkien à l'époque»; «J'étais rilkien en allemand et valérien en français» («В ту эпоху я исповедовал культ Рильке»; «По-немецки исповедовал культ Рильке, по-французски – Валери»)¹⁸.

В Швейцарии он начал писать по-французски и по-немецки прозу и стихи. Вяч. Иванов, менее всего готовый комплиментарно оценивать творчество людей к нему близких, признавал рассказы сына «замечательными» и «мастерскими» (письмо к сыну от 28 декабря 1932 г.)¹⁹. «Твоя сказочка, которую бы я озаглавил как-нибудь в роде “Also sprach Er”, написана с такой силой и уверенностью, какие подстать только большим писателям», – писал он ему же 12 июля 1933 г. Этот рассказ на немецком языке вышел в свет в Швейцарии в 1937 г. под названием «Also rief Er». Другой рассказ на французском языке – «Братья» («Frères»), опубликованный позднее во Франции, Вяч. Иванов передал на прочтение и на суд З. Гиппиус²⁰.

Через несколько дней после достижения сыном совершеннолетия поэт подробно делился своими соображениями в письме к дочери от 22 июля 1933 г. Так как семейная переписка издана еще не полностью²¹, имеет смысл привести большие фрагменты из ее неопубликованной части.

В Швейцарии почти невозможно устроиться и прижиться; итальянцем я его не вижу, не чувствую его органической связи с Италией; он формируется в писателя; но в Италии писателем он не делается. В Италии нет для него перспективы, и она не соответствует требованиям медицинским по климату. Два соображения только говорят в пользу Италии: его приняли бы на время студенчества, как можно надеяться, в наш Collegio и – что еще важнее – его сестра становится итальянкой. Против Франции говорят соображения следующие: трудность (и по существу, и экономическая) прохождения университетского курса во Франции – чтобы сделаться доктором или agrégé, нужен огромный труд – и еще большая трудность как бы то ни было устроиться в этой стране интеллектуального перепроизводства и общей безработицы. В этом отношении избирать Францию значит идти по линии, быть может, наибольшего сопротивления. Но раскрыть то, что в нем заложено и требует осуществления, он может все-же *только* во Франции. Быть может, Бог даст, он встретит там неожиданную помощь.

Только там он может развить свои сильные зародыши литературного дарования. И его научной деятельности открываются разнообразные пути, выберет ли он теологию или право и политические науки, или – к чему он уже подготовлен – в области филологии романистику или германистику или славистику: то, что он русский, может, напротив, сильно помочь ему там в соответствующей университетской сфере.

10 августа 1933 г. Вяч. Иванов писал сыну, взвешивая перспективы швейцарского или французского пути:

Пробиться в жизни – *rouer un intellectuel* – везде трудно; но будучи швейцарцем, можно быть вполне французом в культурном отношении и сделаться французским писателем в полном смысле этого слова. Приобретение швейцарского гражданства очень кусается в денежном отношении – но нужные деньги, 1000 франков – что ли? – все-же наскребем. А твое долгое пребывание в Швейцарии и энгельбергский лицей, далее – связи с Бодмером²² и Тальбергом²³ – могут устранить другие препятствия к получению швейцарского гражданства. Студенческие годы можно было бы провести во Fribourg (где университет французский). Так что и этот выход, может быть, хорош <...> Однажды (кажется, в январе, в Павии) я разговаривал с Гербергом Штейнером²⁴ о твоей возможности национализироваться во Франции. Он это весьма одобрял (отговаривая от Швейцарии) и неопределенно указывал на возможную поддержку со стороны некоторых известных ему лиц.

Выбор между Швейцарией или Францией был решен в пользу Франции. По прошествии года, получив известие о получении сыном французского гражданства, поэт обратился к нему со следующим поразительным письмом от 3 июля 1934 г.:

Сынок родной, поздравляю тебя с твоим новым достоинством свободного французского гражданина (хотел бы – да излишне – сказать многое во славу Франции и в похвалу свободы) и молю Бога, чтобы тебя нежно усыновила истинная, невидимая Франция, – *la douce France, fille aînée de L'Eglise*²⁵ – та, которую, несмотря ни на что, продолжает любить и спасать Пресвятая Дева, спасая ради нее и Францию видимую, одержимую и мятущуюся. Да благословят это твое усыновление Лурдская Божия Мать и св. Тереза! Ты же помни завет: быть верным христианской Франции, единой истинной и спасающей; в ней ты гражданин истинный, перед Богом, а не перед

людьми. И в ней не отнята у тебя, но подтверждена и усилена – и святыня Руси святой.

Как видим, в интимно-семейном послании достижение секуляризированной революционной Франции – истока и модели свободы, ставшей общеевропейской ценностью – парадоксально соединяются с религиозными идеями и символами, которые знакомы нам по приведенным выше поэтическим текстам. Внешне «видимой» и «мятущейся» Франции соответствует скрытая христианская Франция – единая «истинная и спасающая». Выбор лексик и антитетическая грамматическая конструкция возвращают нас к сонету 1916 г. (рассмотренному выше) с его первой антиномической строкой: «Обуреваемый Париж! Сколь ты *священ*». Наверное, самым удивительным для иного современного читателя может быть мысль поэта о том, что укоренение в инославной форме христианской жизни не умаляет, а напротив, укрепляет святыню Святой Руси. Между тем это лишь продолжение идей Вяч. Иванова о «двух легких» – Восточной и Западной традициях христианской Европы (выражение из «Письма к Ш. Дю Босу», 1930 – III, с. 426, 429; ср. также в соловьевской традиции шуточно-мистическое стихотворение «Милы сретенские свечи», 1944 – III, с. 591).

Последующую «французскую судьбу» Д.В. Иванова определили его дружба с кругом французских интеллектуалов. Из этого круга замечательны его отношения с доминиканцем Раймоном Брюкберже, которые остались в тени. По происхождению Брюкберже был австрийцем, но по интеллектуальным и творческим пристрастиям стал французским писателем и сценаристом. В середине 1930-х гг. Брюкберже рекомендовал молодого Иванова в качестве воспитателя для сына Жоржа Бернаноса. Со временем доминиканец стал близким другом сына поэта, через Брюкберже у Д. Иванова завязываются близкие отношения не только с Бернаносом, но и с Жаком Маритеном. В письме к Вяч. Иванову от 10 августа 1939 г. доминиканец так описывал свою встречу с сыном поэта:

La rencontre de Dimitri m'a été bien étrange et précieuse, une sorte de charisme, d'une signification trop merveilleuse ... J'étudiais, en Saint Thomas d'Aquin, la grandiose doctrine de la mémoire, avec comme toile de fond inconsciente vos lettres à Gerschenson lues il y a quatre ans. Dimitri est venu me faire ressouvenir et j'ai reconnu à quel point j'avais accepté de vous.

(Встреча с Димитрием была необычной и драгоценной, даже благодатной. Грандиозную доктрину памяти я исследовал у Фомы Аквинского, имея постоянно в подсознании Вашу «Переписку» с Гершензоном, это было четыре года назад. Димитрий пришел и напомнил мне это, и я осознал, в какой мере я воспринял Ваши идеи)<sup>26</sup>.

\* \* \*

В 1940 г. немецкие войска нанесли поражение Франции, на смену Третьей республике пришел режим Виши. Осенью 1940 г. власти создали «Комиссию по пересмотру гражданства». В соответствии с лозунгом «Être français, cela se mérite» («Надо заслужить право быть французом») появилась категория лиц недостойных быть французскими гражданами («indignes d'être des nôtres»<sup>27</sup>), к ним после специального разбирательства был причислен, в частности, Марк Шагал<sup>28</sup>. Положение Д.В. Иванова не было простым. Он занимал место преподавателя в лицее Марсо в Шартре, эта должность приравнивалась к «fonctionnaire de l'Etat», государственному служащему.

Несмотря на владение французским языком и культурой, его русское происхождение было очевидно. («Мы были русские эмигранты и, в таком качестве, подвергались двойной бдительностью: со стороны французской милиции и со стороны Гестапо», – вспоминала одна из русских в оккупированной Франции<sup>29</sup>). Если по старому закону достаточно было родиться и прожить несколько лет на территории Франции, то по закону от 22 июня 1940 г. было необходимо доказать свою лояльность вескими аргументами. Неожиданным образом одним из таких аргументов в глазах властей могла стать литературная деятельность его отца. Тщательно продумав, каким образом ее можно удостоверить, Д. Иванов поторопился обратиться с письмом в Ватикан к кардиналу Э. Тиссерану, главе конгрегации восточных церквей, который находился в достаточно близких отношениях с Вяч. Ивановым. 2 января 1941 г. Д.В. Иванов, не забывая привычной иронии, сообщал отцу:

Пишу кардиналу Тиссерану и прошу его написать несколько строк министру instruction publique о том, что Пуффи <Вяч. Иванов> с государственной точки зрения благонадежный господин. Главное интересуют годы, которые он провел во Франции, какое отношение имел внешне или внутренне к Франции и т.д. Это важно <...> из-за новых здешних законов, которые требуют доказательства «по отцу» нацио-



Сергей Петрович Иванов (1893–1983). Портрет Д.В. Иванова в его квартире в Шартре, из окна вид на Шартрский собор. 23 октября 1938 г. Бумага, тушь, акварель, перо. Римский архив Вяч. Иванова. Публикуется впервые

нальной ассимиляции функционеров. Если не очень трудно, полезно было бы кардиналу передать род краткого куррикулума (указать адрес в Париже в 1895 г. приблизительно – с этой, французской точки зрения). Хорошо было бы упомянуть о критических и переводных работах и дать маленькую библиографию.

Вяч. Иванов в своем письме к Тиссерану от 27 января 1941 г. посетовал на «вольность», которую позволил себе его сын, обратившись прямо к кардиналу, однако приложил просимое заявление<sup>30</sup>. При желании эту декларацию «французкости» можно толковать как уступку требованию конкретного драматического момента. С другой стороны, сухое перечисление фактов из жизни и творчества в этом документе, наверное, единственном в своем роде в русской литературной культуре, сообщает ему интонацию независимости и самодостаточности. При этом акцент на религиозном понимании истории и отказ от вмешательства в политику в какой-то мере совпадал с официальной стратегией ватиканских институций в ту эпоху. Приведем первую часть этого документа, опустив вторую, где сообщаются биографические сведения о семье поэта.

L'élément français a joué un rôle essentiel dans mon éducation, comme dans celle de la mère de mon fils, morte en 1920 quand il avait huit ans; elle avait fait son baccalauréat à Genève. Mes études philologiques et littéraires m'amènèrent plusieurs fois en France, où je fis de longs séjours (en 1891–92, dès 1895 jusqu'à 1900, en 1909, en 1912). Mon œuvre d'écrivain (Voir la dessus par ex. la notice de Pascal dans le Larousse des familles<sup>31</sup>; Chuzeville, anthologie des poètes russes, p. 220 ss.<sup>32</sup>) témoigne des liens intimes qui me rattachent à la France. Je cite particulièrement les "Epigrammes parisiennes" dans mon premier recueil de vers, les sonnets, Lutèce, dans le second recueil et dans l'édition de luxe, Paris, eaux fortes de Mme Krouglikoff, mes traductions de poésie de Baudelaire (dans le grand recueil de mes poésies "Cor ardens", 1er volume) et du roman Madame Bovary. Sans me mêler tant soit peu de politique, je n'y cache guère mon parti pris pour la France catholique, dans laquelle j'entrevois et j'aime la véritable âme française. A la veille de la Révolution M. Patouillet savant slaviste, résidant actuellement à Lyon, me comptait parmi les amis de la France qui se groupaient autour de lui à Pétersbourg. En 1930, feu Charles du Bos, mon ami, a publié dans "Vigile" avec la "Correspondance d'un coin à l'autre", la "Lettre à Charles du Bos" écrite par moi en français, sur ma conception de la révolution russe comme mouvement essentiellement religieux



et sur les motifs de mon adhésion à l'Eglise catholique. La "Correspondance" avec la "Lettre", une esquisse de mon activité littéraire et une préface de M. Gabriel Marcel parurent en 1931 dans la série des éditions Corrêa. Une traduction allemande de la "Lettre à Charles du Bos" fut publiée par la revue "Corona" (1934–35 fasc. VI).

(Французский элемент занимал главнейшую роль в моем образовании, как и в образовании матери моего сына, умершей в 1920 г., когда ему было восемь лет; она закончила бакалавриат в Женеве. Мои филологические и литературные исследования многократно приводили меня во Францию, где мне приходилось жить подолгу: в 1891–1892, с 1895 до 1900, в 1909, в 1912 гг. Мое творчество писателя (см. ниже, напр., статью Паскаля в Ларуссе и Шюзевиля в Антологии русских писателей) свидетельствует о внутренних связях, которые связывают меня с Францией. Я называю в особенности «Парижские эпиграммы» в моей первой книге стихотворений, сонеты «Париж» во второй книге – они появились и в роскошном издании с гравюрами г-жи Крутливой, переводы поэзии Бодлера (в большом поэтическом сборнике «*Cor ardens*», 2 кн.) и романа «Мадам Бовари». Пытаясь ни на йоту не участвовать в политике, не скрываю, что я – на стороне католической Франции, в ней я вижу и люблю истинную душу Франции. В канун революции г. Патуйе, ученый и славист, – в настоящее время он в Лионе – почитал меня среди друзей Франции, которые составляли его круг в Петербурге. В 1930 г. мой друг покойный Шарль Дю Бос опубликовал в журнале «Вижиль» наряду с «Перепиской из двух углов» «Письмо к Шарлю Дю Босу», написанное мною по-французски – о моей концепции русской революции как о движении в своей глубине религиозном и о причинах моего присоединения к католической церкви. «Переписка» и «Письмо», очерк моей литературной деятельности и предисловие г. Габриеля Марсея увидели свет в 1931 г. к серии издательства «Корреа». Перевод на немецкий язык «Письма к Шарлю Дю Босу» был опубликован в журнале «Корона» (1934–1935, вып. VI)).

К сожалению, не удалось выявить, какой ход был дан этому документу во французском Министерстве образования. Во всяком случае, Д. Иванов сохранил место в лицее Марсо, а на следующий год он был принят в докторат в Париже. Он предполагал писать диссертацию у компаративиста Поля Азара, автора знаменитой книги «Кризис европейского сознания: 1680–1715». 28 ноября 1942 г. Д. Иванов спрашивал мнения своего отца о предложенной Азаром темы – «Il sim-

bolismo nei suoi rapporti fra la Francia e la Russia – con, eventualmente, uno studio della Germania quale mediatrice» («символизм в его связях между Францией и Россией, с учетом вклада Германии как посредника»); но затем темой доктората был взят Винкельман<sup>34</sup>.

Непредсказуемый ход Мировой войны переменял все планы. Немедленно после падения Муссолини Д. Иванов решил оставить Францию и перебраться к своей семье в Рим<sup>35</sup>. Но 10 сентября 1943 г. Вечный город оказался под немецкой оккупацией. На случай контроля со стороны германских властей у Д. Иванова на руках был документ, что он располагает стипендией от парижского Министерства образования и находится в Риме в доме отца для исследовательской работы<sup>36</sup>. После освобождения Рима от нацистов, в марте 1945 посольство Франции в Ватикане послало Д. Иванова как дипломатического курьера в Париж<sup>37</sup>.

В это время Д. Иванов стал также сотрудником, а затем главным редактором французской газеты в Риме. Надо думать, его инициативе мы обязаны появлению на ее страницах газеты имен В. Гроссмана, А. Толстого, Т.Л. Сухотиной-Толстой. В последующие десятилетия он стал известным французским журналистом и писателем, живущим в Риме. Одной из главных тем его статей и книг была католическая церковь и Ватикан. В своей судьбе журналиста и писателя он соединил Францию, Италию, Ватикан и Россию. Рассказ об этой судьбе – дело отдельной работы.

#### 4.

Наш очерк будет неполным, если мы обойдем один из историко-литературных трудов Вяч. Иванова, написанный им в Риме в середине 1930-х годов. Вяч. Иванов получил заказ от итальянской энциклопедии «Треккани» написать статью «Символизм»<sup>38</sup>. Заказ был ответственным и почетным: в ряду других энциклопедических проектов в Европе XX века 35 томов «Треккани» (1929–1937) – едва ли не самая авторитетная и полная энциклопедия, по крайней мере в области гуманитарного знания. Ряд концептуальных статей по истории искусства и литературы («Возрождение», «Данте», «Романтизм») выходили за пределы информационных задач, остались образцовыми вплоть до сегодняшнего дня.

О работе над статьей г. Вяч. Иванов сообщил своему другу, крупнейшему немецкому филологу-романисту Эрнсту-Роберту Курциусу. Весной 1935 г. Курциус отправил поэту избранную библиографию работ по символизму – 14 книг, из них 13 французских. Этот список литературы Курциус пояснял 7 апреля 1936 г. таким образом:

Sie werden freilich in den meisten dieser Bücher nur Anekdotisches und Pragmatisches finden. Die beste historische Darstellung gibt Raymond. Sie werden aber, wie ich annehme, den sogenannten "Symbolismus" der 80er & 90er. <...> Jahre nur kurz streifen. Ihr eigentliches Thema ist ja doch der ewige Symbolismus, für den Dante & Goethe viel wichtiger sind als Mallarmé und seine Zeitgenossen. Dieser Symbolismus des späten 19. Jahrhunderts ist ja nur ein unzureichender Versuch, das geistige Prinzip der Poesie wiederherzustellen. Villiers de l'Isle-Adam scheint mir unter diesem Gesichtspunkt der bedeutsamste Vertreter des französischen Symbolismus, obwohl er sich der Prosa bedient. Als kosmopolitischer Russe haben Sie den großen Vorteil, die Dinge aus der vogelschen und d.h. in der wahren Perspektive sehen zu können.

(В большинстве этих книг Вы найдете только анекдотический и прагматический материал. Историческую картину лучше всех дает Реймон<sup>39</sup>. Однако, как я полагаю, Вы лишь кратко коснетесь так называемого «символизма» 80-х и 90-х годов. <...> Ваша настоящая тема – это вечный символизм, для которого Данте и Гёте намного важнее Малларме и его современников. Ведь этот символизм конца XIX столетия – лишь несовершенная попытка восстановления духовного начала поэзии. Под таким углом зрения самым значительным представителем французского символизма кажется мне Вилье де Лиль-Адан, хотя он пишет прозой. У Вас, русского космополита, преимущество – Вы видите вещи с птичьего полета, а следовательно, в верной перспективе)<sup>40</sup>.

Иными словами, маститый эрудит и теоретик предлагал поэту предпочесть в энциклопедической статье «вечный символизм» Данте и Гёте историческому обзору символизма в Европе. Это достаточно удивительно. Между тем именно таковой была парадигма символизма в книгах Иванова «По Звездам» (СПб., 1909) и «Борозды и Межи» (М., 1915). Однако в 1935 г. Иванов не принял совет немецкого коллеги: поэт считал, что статья для энциклопедии должна быть принципиально иного рода и что исторический обзор символизма не может оказаться на второстепенном месте. Одним из свидетельств долгой и

напряженной исследовательской работы, прежде всего в Национальной библиотеке Рима, является достаточно толстая тетрадь (71 лист) с обширными выписками из преимущественно французских источников<sup>41</sup>. Примечательно, что результатом работы стала статья преимущественно об исторической школе символизма во Франции (ей посвящено 289 строк, а символизму в Англии, Германии, Италии, Норвегии, Польше и России – всего 38 строк), написанная, при этом, с точки зрения ивановской концепции о «реалистическом» и «идеалистическом» символизме.

В отличие от мнения, высказанном Курциусом в письме, центральным персонажем французского символизма стал не Вилье де Лиль, а Ш. Бодлер и его сонет «Соответствия». Некоторые обороты статьи кажутся прямым возражением Курциусу: «Не из родины Вильгельма Майстера и Генриха фон Офтердингена было пересажено в духовную среду Бодлера понятие символа, хотя некоторые идеи Шеллинга и братьев Шлегелей и были не совсем безызвестны во Франции около 1839 г.» (II, с. 656, 663).

Историко-литературный этюд снижал высокую оценку главного научного редактора энциклопедии «Треккани» философа Дж. Джентили. Последний писал поэту: «La prego di gradire i miei sentiti ringraziamenti per il suo bellissimo articolo sul Simbolismo che ho letto con grande piacere» («Примите мои искренние поздравления, по поводу Вашей превосходной статьи о символизме, я читал ее с большим интересом»)<sup>42</sup>.

Как можно объяснить, что в 1935 г. «русский космополит» отошел от своей концепции исходящего из Данте и Гёте «вечного символизма», концепции, которую он столь основательно и успешно отстаивал двумя десятилетиями прежде в Москве и Петербурге? Думается, что Вяч. Иванов тщательно разделял свою деятельность как писателя, то есть участника литературного процесса, и ученого, то есть историка литературы. В 1935 г. «исторический» символизм уже завершился, как во Франции, так и в других европейских странах. С точки зрения не участника литературного процесса, а историка литературы, преимущественное значение для истории европейского символизма принадлежала литературной культуре Франции.

Приложение

### ПИСЬМО ПАТУЙЕ К ВЯЧ. ИВАНОВУ<sup>43</sup>

Lyon, 14 mai 1937

Cher Viatcheslav Ivanov !

Permettez-moi, avant de vous exposer l'objet de cette lettre, de me rappeler à votre souvenir en évoquant, avec <mon> nom: professeur Jules Patouillet, ancien directeur de l'Institut français de Saint-Petersbourg, – les occasions que j'ai eues de vous connaître.

La première, ce fut à une soirée, dans l'hiver 1916–1917, je crois, chez nos pauvres amis Sologoub. A. Nikolaevna et F. Kouzmitch nous avaient priés de venir à minuit seulement, ne devant rentrer eux-mêmes chez eux qu'à cette heure-là. Ma femme et moi arrivâmes à minuit précis; quelques instants plus tard, vous arriviez, à votre tour, et nous restâmes un bon moment à causer ensemble jusqu'à l'arrivée des maîtres de la maison.

Le seconde fut la constitution à Moscou, au début de l'année 1918, après que nous fûmes partis de Petrograd, de ce Франко-Итало-Русский Союз Взаимопонимания, qui eut son siège dans les locaux des Высшие Женские Курсы, Мерзляковский пер., д. Титова. J'ai sous les yeux une повестка où parmi les noms de ceux qui devaient faire des exposés sur des questions de philosophie, de science, de littérature, d'art, je relève les noms de D.I. Anoutchine, N.A. Artémiev, K.D. Balmont, N.A. Berdiaev, A.N. Vésélovski, V. Ivanov, A.A. Manouïlov, N.K. Koltsiov, P.P. Lazarev, (Directeur de l'Institut de Physique), le prince N. K. Troubetskoï, A.E. Fersman, V. M. Khvostov etc. La première conférence devait être – et fut – faite par moi, le 24/III-6/IV 1918. Que de souvenirs, que j'aimerais évoquer avec vous, éveille en moi cette liste, où le tragique ne manque pas! L'œuvre, d'ailleurs, n'eut pas de longs destins: sa plus brillante manifestation fut sans doute la belle réunion du Союз à l'Institut français (Кудринская-Садовая) à laquelle assistèrent plus de 80 personnes, dont vous-mêmes très probablement (20-V – 2-VI).

Enfin la troisième occasion, c'est quand, en cette même année 1918, vous avez été arrêté et emprisonné. Mon collègue et ami André Mazon avait été lui-même transféré de Pierre-et-Paul (après l'assassinat d'Ouritski) à Boutyrki. Il me fit passer un mot (est-ce avant ou après sa libération, je ne me souviens plus) pour me prier de solliciter en notre nom à tous deux votre libération auprès de Pokrovski, alors H. <арод-

ный> К<оммисар> прос.<вещения>. J'ai fait la démarche – ma mémoire l'a retenue, – mais j'en ai ignoré le résultat, étant reparti pour la France peu de temps après, car les conditions, matérielles et morales, de la vie, surtout depuis l'assassinat du comte Mirbach, devenaient effroyables. Et c'est depuis quelques années seulement que j'ai connu les principales péripéties de votre existence depuis ces jours sombres de 1918.

Le souvenir de la haute estime et de l'admiration qu'inspirait votre éminente valeur de savant et de poète à vos "compatriotes", comme dit T. Zéliniski, et dont j'ai vu les marques chez nos amis communs T. Zelinski et F. Sologoub, excusera, et justifiera, j'espère, ma requête.

Après avoir occupé, de 1919 à 1932, la chaire de langue et de littérature russes à la Faculté des Lettres de Lyon, j'emploie les loisirs de ma retraite à quelques travaux et à une participation aussi active que possible dans diverses associations de rapprochement culturel entre la France et les peuples slaves. Mais le compartiment russe est vide: du côté russe – émigrés en France, non possumus, pour des raisons diverses; du côté soviétique – nolumus. Au surplus, ce n'est pas de cela qu'il s'agit.

Nous avons ici, при университете:

1) Une Société? d'études anciennes fondée il y a deux ans (la seule, à ma connaissance, qui existe en France), où se retrouvent, dans un parfait esprit de confraternité scientifique, des professeurs de la Faculté des Lettres d'Etat et de la Faculté catholique, des professeurs d'établissements secondaires. Elle se réunit tous les mois pour entendre des communications, suivies de discussions sur des questions d'archéologie, de philologie, de doctrines, de textes, de technique.

2) Une Société de Philosophie, de même composition, plus large encore, et de même esprit.

3) Une Association d'Etudiants Catholiques (très nombreuse) à la Faculté des Lettres d'Etat.

4) Un groupe lyonnais de l'Union catholique des membres de l'enseignement public.

Je manque, malheureusement, de compétence, pour apprécier vos travaux, et n'en ai qu'un aperçu par le numéro du Convegno qui leur est consacré. De votre œuvre poétique je ne connais que votre Прометеї rapporté de Russie, et que j'ai essayé de traduire, malgré l'interdit de T. Zéliniski, non sans être arrêté parfois dans l'interprétation sémantique ou philosophique.

Mon ambition, mon завет, serait de vous faire connaître à nos collègues lyonnais sous quelques uns des aspects de votre riche originalité. Et je pense qu'il pourrait vous être agréable à votre tour de connaître notre grande cité, fière de son passé, de ses richesses artistiques et de sa puissante activité spirituelle. Cela pourrait se réaliser sous la forme de conférences que vous donneriez sous les auspices des deux Sociétés susmentionnées.

Je sais que les intellectuels russes émigré n'ont pas l'existence facile. Mais nos deux sociétés ne sont pas riches, et s'il fallait vous assurer un de ces cachets si généreusement octroyés à quelque conférencier à la mode *краснобай* ou *нуштобай* [так! – А.Ш., Ж.П.], nous devrions renoncer à la joie de nous instruire en vous écoutant. Mais si vous vouliez, ou pouviez, vous contenter d'être défrayé des dépenses de voyage et de séjour, nous trouverions les moyens de les couvrir: quel cachet ne serait en dessous de vos mérites! Si la cordialité de l'accueil pouvait en constituer une part!

Au cas où vous seriez disposés à accepter la présente proposition, que je vous fais à titre officieux, je vous prierais de me faire connaître votre réponse que je transmettrais à mes collègues; et, dès la rentrée prochaine, ils vous adresseraient une invitation officielle en vous soumettant un plan d'organisation (date, sujets, séjour).

Dans le grand désir, et dans l'espoir de recevoir de vous une réponse favorable, je vous prie, cher Viatcheslav Ivanov, d'accepter, avec les meilleurs souvenirs de ma femme, l'assurance de ma profonde sympathie,

J. Patouillet  
17, rue Duhamel, Lyon

Перевод:

Лион, 14 мая 1937 г.

Дорогой Вячеслав Иванов!

Позвольте мне, прежде чем изложить предмет этого письма, напомнить вам, вместе с моим именем – профессор Жюль Патуйе, бывший директор Французского института в Санкт-Петербурге – случаи, когда мы с вами встречались.

Первый раз это было зимой 1916–1917, как мне кажется, у наших бедных друзей Сологубов. Анастасия Николаевна и Федор Кузьмич просили нас прийти в полночь, именно к этому часу они сами должны были вернуться. Моя жена и я приехали ровно в двенадцать, через несколько мгновений пришли вы, и вплоть до появления хозяев дома мы провели время в беседе.

Второй случай представился в начале 1918 года, когда мы из Петрограда перебрались в Москву и создали там *Франко-Итало-Русский Союз Взаимопонимания*<sup>44</sup>, который располагался в помещениях *Высших Женских Курсов в Мерзляковском пер., д. Титова*. У меня перед глазами повестка, где среди тех, кто должен выступить с докладами по вопросам философии, науки, литературы, искусства, я вижу имена Д.И. Анучина, Н.А. Артемьева, К.Д. Бальмонта, Н.А. Бердяева, А.Н. Веселовского, В. Ивановна [подчеркнуто Патуйе. – Ред.], А.А. Мануйлова, Н.К. Кольцова, П.П. Лазарева (директора Института физики), князя Н.К. Трубецкого, А.Е. Ферсмана, В.М. Хвостова и др. Первый из докладов должен был произнести, и произнес я, это было 24/III–6/IV 1918 г. Сколько воспоминаний, которые мне бы хотелось перебрать вместе с вами, будит во мне этот перечень имен: немало трагического с тех пор произошло! Но этому проекту не суждена была долгая жизнь, самым ярким событием в его истории было, по-видимому, замечательное собрание Союза во Французском институте (Кудринская-Садовая) 20-V / 2-VI, где присутствовало более 80 человек в том числе, весьма вероятно, и вы.

Наконец, третий случай имел место в том же 1918 году, когда Вы были арестованы и заключены в тюрьму. Мой коллега и друг Андре Мазон после убийства Урицкого сам был переведен из Петропавловской крепости в Бутырки. Ему удалось передать мне записку (не помню, до или после освобождения Мазона), чтобы я обратился от нас двоих к Покровскому, в то время Народному комиссару по Просвещению, требуя вашего освобождения. Я это сделал, хорошо это помню, но результат мне остался неизвестен, вскоре я вернулся во Францию, ибо материальные и моральные условия в стране, особенно после убийства графа Мирбаха, становились ужасающими. И лишь через несколько лет после тех черных дней 1918 г. узнал я о главных переменах в вашей жизни.

Надеюсь, что память о высоком почтении и восхищении, который ваш выдающийся дар ученого и поэта вызывает у ваших «соотечественников», как выражается Ф. Зелинский, свидетельства чего я видел у наших общих друзей, и Ф. Зелинского, и Ф. Сологуба, извинит и оправдает мое послание.

С 1919 по 1932 год я возглавлял кафедру русской литературы и языка на факультете искусств в Лионе, теперь я вышел в отставку и использую свободное время для ряда занятий и, по мере возможно-



стей, для активного участия в различных ассоциациях, способствующих культурному сближению Франции и славянских народов. Однако русское отделение пусто: с русской стороны – эмигранты во Франции, по различным причинам *non possumus*, со стороны советской – *polumus*. К тому же, дело не только в этом.

Здесь, при университете, действуют:

1) Общество изучения древностей, основанное два года назад (насколько мне известно, единственное во Франции), члены этого научного братства, – профессора литературного факультета из государственного университета, из католического университета и учителя гимназий. Общество собирается ежемесячно, чтобы заслушивать доклады, с последующим обсуждением вопросов археологии, филологии, различных учений, толкования текстов, техники.

2) Философское общество того же состава, сходное по духу, но еще более многочисленное.

3) Ассоциация студентов-католиков (очень многочисленная) филологического факультета университета

4) Лионская группа католического союза преподавателей государственных учебных заведений.

К сожалению, мне не хватает познаний, чтобы оценить ваши труды; мне доступен лишь их краткий обзор в журнале *Convegno*, им посвященный. Из ваших поэтических произведений мне известен только «Прометей», привезенный из России; несмотря на запрет Ф. Зелинского, пытаюсь его перевести, но время от времени затрудняюсь в его философском или смысловом истолковании.

Мое стремление, мой завет – познакомить лионских коллег с одной из граней вашей богатой и оригинальной личности. Думаю, что вам, в свою очередь, захотелось бы увидеть наш большой город, гордый своим прошлым, художественными богатствами и мощной духовной деятельностью. Мой замысел было бы возможно осуществить в рамках ряда лекций, которые вы прочитали бы под эгидой двух обществ, упомянутых выше.

Знаю, что существование русских интеллигентов-эмигрантов нелегкое. Но оба наших общества небогаты; будучи не в состоянии предоставить вам щедрый гонорар, которого устаивают модного докладчика *краснобая* или *пустобая*, нам пришлось бы отказаться от удовольствия просветиться, слушая вас. Но если бы вы согласились

удовлетвориться оплатой расходов на дорогу и проживание, мы нашли бы средства их покрыть, и этот гонорар не будет ниже ваших заслуг, а теплота нашего приема могла бы частично его заменить!

Если вы готовы принять мое предложение, имеющее неофициальный характер, сообщите мне ваш ответ, который я передам моим коллегам; и в начале следующего семестра они пришлют вам официальное приглашение и предложат план организации вашего пребывания (даты, темы, распределение времени).

В надежде на положительный ответ, прошу вас, дорогой Вячеслав Иванов, принять, наряду с приветом от моей жены, уверение в моем глубочайшем уважении,

Ж. Патуйе,  
улица Дюамель, 17, Лион

#### Примечания

1 Исследование подготовлено в рамках темы «Европейские основы и русский вклад в моделях возрождения культуры (Творческое наследие Вячеслава Иванова и авторов его круга в материалах Римского архива)» Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы.

2 Два списка литературных замыслов: из записной книжки 1888–1889 гг. / Публ. Н.В. Котрелева // Вячеслав Иванов: архивные материалы и исследования. М., 1999. С. 38.

3 Иванов В.И. Собр. соч.: В 4 т. Т. II. Брюссель, 1975. С. 19. Далее ссылки на это издание в тексте.

4 Блок А.А. Полн. собр. соч. Т. 7. М., 2003. С. 10.

5 «Встал поздно. Поехал в Hôtel des invalides. Обогащение злодея, ужасно. Солдаты, ученые звери, чтобы кусать всех. Им надо умирать с голоду. Оторванные ноги подолом» (Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22 т. М., 1978–1985; Т. 21, М., 1984. С. 182. Запись от 4/16 марта).

6 О «семейном» отношении к триединой формуле ср. из письма Л. Зиновьевой-Аннибал к Иванову от 2–3/14–15 июля 1897 г.: «В величественной раме вечных гор по улицам французского городка с музыкой шла процессия факелов, и радостно было мне за славную Францию, и сердце расширялось от величия и сладости великих слов: Свобода, Равенство и Братство» (Вячеслав Иванов – Лидия Зиновьева-Аннибал. Переписка. М., 2009. Т. 1. С. 557).

7 Доценко С.Н. Россия и Европа в цикле Вяч. Иванова «Парижские эпиграммы» // Тезисы докладов научной конференции «Великая французская революция и пути русского освободительного движения». Тарту, 1989. С. 77.

8 Что полисемичность является конструктивным принципом как в символистской практике, так и в теории Вяч. Иванова, показал в серии статей Д.Н. Мицкевич.

Ср. его последнюю работу: «Реалиоризм» Вяч. Иванова // Христианство и русская литература. Сб. 6. СПб., 2010.

9 Аверинцев С. Стратегия цитаты в творчестве Вяч. Иванова // *Europa orientalis*, v. XXI:1 2002, p. 20–21. Оценивая краткость и сжатость ивановской эпиграммы, между прочим отметим, что толкование этих четырех строк потребовало от С. Аверинцева двух с половиной страниц учебного комментария.

10 Каким-то образом этот отзыв оказался не учтенным в работе: Хелманн Б. Реймский собор разрушен! Об одном мотиве в русской литературе времен Первой мировой войны // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia X: «Век нынешний и век минувший»: культурная рефлексия прошедшей эпохи: В 2 ч. Tartu, 2006. Ч. 2. С. 327–343.*

11 Ср.: «Душа народа, в глазах моих, есть ответственный перед Богом, Им посланный и Ему подсудный ангел. <...> На том суде, где взвешиваются преступления и заслуги народных ангелов, свидетельствуют грома, и приговор изрекает Сидящий на Престоле» (Иванов В.И. Родное и Вселенское. М., 1917. С. 6).

12 Ср.: Ржеуцкий В.С. Французский институт в С.-Петербурге (1911–1919) и русско-французское научное сближение // Россия и Франция. XVIII–XX века. Вып. 7. М., 2006. С. 293–322.

13 «Je l'ai eue par les Алексеев (le philosophe Аскольдов en 1918). Je l'interprétais comme une approbation des tentatives de paix; je m'en suis plus si sûr» («Мне передали его Алексеевы (философ Аскольдов в 1918). Я толкую его как одобрение переговоров о мире, я более чем уверен в этом». Письмо П. Паскаля к О.А. Шор от 31 декабря 1955 г. Римский архив Вяч. Иванова (далее – РАИ).

14 Пьер Паскаль выделил три главных черты в русской душе: солидарность, неопределенность и стремление к абсолюту (Ржеуцкий В.С. Указ. соч. Прим. 58).

15 Pascal P. *Mon Journal de Russie*. Lausanne, 1975. P. 270–271.

16 Иванова Л. Воспоминания: книга об отце. Париж, 1990. С. 125.

17 D'Ivanov a Neuvecelle. Entretien avec Jean Neuvecelle recueillis par R. Aubert et Urs Gfeller. Montricher, 1996. P. 85.

18 Ibid. P. 105, 128.

19 РАИ. Переписка доступна по адресу: <http://www.v-ivanov.it/archiv/op4-k14.htm> и далее. Следующие письма мы цитируем в тексте без ссылок на архивное хранение.

20 В письме к Д. Иванову от 19 июня 1936 г. Гиппиус писала: «Мне, в какой-то мере, жалко было, что Вы, при русской mentalité (а я ее чувствую) принуждены писать по-французски, на языке остром, но слишком точном, за которым нет, как будто, возможности передать особенную, трепетную туманность; свой русский шарм» (Шишкин А.Б. Неопубликованное письмо З.Н. Гиппиус к Д.В. Иванову // Пути искусства: символизм и европейская культура XX века. М., 2008. С. 320).

21 Ср.: Избранная переписка с сыном Димитрием и дочерью Лидией // Символ. № 53-54. С. 460–630.

22 Мартин Бодмер (1899–1971) – швейцарский коллекционер, писатель, издатель.

23 Михаил Тальберг – успешный швейцарский адвокат русского происхождения.

24 Г. Штейнер (1892–1966) – австрийский писатель и издатель.

25 «Милая Франция» (выражение, которое встречается уже в текстах XII в.), «старшая дочь Церкви» (термин, употребляемый с XIX в., чтобы указать на историческое первенство Франции в истории христианства).

26 В первом письме к Вяч. Иванову от 24 сентября 1936 г. из Вены (РАИ) доминиканец признавался, что чтение Переписки четыре года назад возбудило в нем глубокий интерес к теме «вселенной памяти». Это чтение было толчком к написанию диссертации по богословию. Брюкберже оспаривает позицию Авиценны, к которому, по мнению доминиканца, был близок Гершензон. Позиция Вяч. Иванова, по Брюкберже, близка пониманию Фомы Аквинского о божественном источнике разума (intelligence.) Молодой доминиканец был поражен сходством у обоих мыслителей идеи единства духа, позволяющего развивать духовную концепцию памяти: «pas un iota de ces écritures qui jadis furent jeunes», цитирует он Аквината, «gravées sur les tables de l'esprit humain, lequel est un, ne passera» («Ни йоты от писем, когда-то бывших юными, что вырезаны на скрижалях человеческого духа, – а этот дух един – не пройдет»). «J'ai été tellement saisi de lire chez vous à propos de la mémoire cette affirmation que l'esprit est un» («Я необыкновенно поражен Вашими словами о Памяти, что дух – един»). За понятием единства человеческого духа скрывается концепция единства Церкви, существующее в настоящее время благодаря памяти: «Car, comme théologien, ce qui m'attire surtout, c'est cette mémoire excellente et qui domine comme un modèle toutes les autres mémoires créées : la sainte mémoire de l'Eglise qui est la source de son unité et de sa catholicité. Cette mémoire première est essentielle» («Меня как богослова привлекает прежде всего эта совершенная память, господствующая над всеми другими памятьми тварей: святая память Церкви, источник ее единства и католичества. Эта первородная память важнее всего»). Для Авиценны ум, когда стремится вспомнить, должен пересоздать из ничего, «il est de la nature de l'esprit d'être et de rester ta-bula rasa» («Ум по своей природе есть и должен оставаться «чистой доской»), Аквинат включает функцию вспоминания в самую природу ума, который доходит до самой сути бытия. Предметы памяти – это не идеи, вспоминания, культура, как пишет Гершензон, это «des centres de transparence, milieux de transition au réel extramental» («центры прозрачности, средства перехода духа к сверхчувственной реальности»). Отношения Брюкберже и Иванова заслуживают отдельного исследования.

27 Laguerre B. Les dénaturés de Vichy 1940–1944 // XXe siècle, Revue d'histoire. Vol. 20. 1988. Pp. 3–15.

28 Было признано, что французское гражданство Шагала, полученное в 1937 г., «не отвечает пользе нации». В 1940–1944 гг. более 15 000 человек были лишены французского гражданства, в том числе жена П. Паскаля Евгения Русакова.

29 Carayon Annette. *Moscou dans les sous-bois*. Paris, L'Harmattan, 2010. P. 118.

30 Rome, le 27 janvier 1941. Eminence, La grande bonté de Votre Eminence envers moi, cette bonté à laquelle je dois ma place parmi les enseignants et collaborateurs du Russicum, m'encourage à l'espoir que la hardiesse de mon fils Démétrius, professeur agrégé du lycée Marceau à Chartres, ne sera pas jugé téméraire et importune. Il me confesse, en effet, avoir osé solliciter la protection de Votre Eminence auprès du ministre de l'instruction publique, désireux, paraît-il, d'être renseigné sur les sentiments que les parents de pédagogues d'origine étrangère nourrissent à l'égard de la France, ainsi que sur leurs attitudes politiques. En me confiant dans cette affaire délicate entièrement à la sagesse de Votre Eminence, je me borne pour ma part à un exposé (ci-joint) de quelques

traits biographiques avait trait à l'enquête ministérielle.

31 Речь идет о публикациях Пьера Паскаля: «Littérature russe» in *Larousse mensuel*, ноябрь 1936, с. 826–831–570, и «Gorki» in *Larousse mensuel*, декабрь 1936, с. 569–570.

32 *Chuzeville Jean*. Anthologie des poètes russes. Paris, 1914.

33 Копия рукой Л.В. Ивановой, РАИ.

34 Письмо П. Азара к Д. Иванову от 28 июля 1943 г. в виду его интереса, приводим полностью: «Excusez-moi, mon cher ami, de venir troubler le repos de vos vacances, mais peut-être êtes-vous à Paris, voire à la Bibliothèque Nationale, ce qui faciliterait votre réponse à ma demande. Pourriez-vous m'envoyer ici la bibliographie des travaux récents sur Winkelmann... Je ne demande pas les menus articles, le points de détail, mais seulement l'essentiel, et particulièrement sur le rôle européen du personnage. Excusez le fâcheux que je suis, et veuillez bien me croire fidèlement vôtre, Paul Hazard. P.S. Sauriez-vous aussi quels sont les travaux récents et importants sur Lessing?» (РАИ).

35 Данные французского паспорта Д. Иванова дают точные сведения о его передвижениях. В 1942 г. он был в Италии с 13 июля по 25 сентября. Затем получил визу от Консульства Италии в Париже 19 июля 1943 г., то есть накануне падения Муссолини (25 июля), однако остался во Франции и получил другую визу 21 августа 1943 г. На территорию Италии он въехал 23 августа 1943 г. На последней странице паспорта отметка о выдаче римскими властями продовольственных талонов с 24 августа 1943 г. по 31 октября 1944 г.

36 Этот документ выдан Миссией Швейцарии в Италии (Legazione di Svizzera in Italia, Interessi Stranieri – Francia) 26 апреля 1944 г.

37 Ordre de mission, 17 mars 1945. Ambassade de France près le St. Siège. Этот документ адресован так: M. Jean Ivanov. Qualité: professeur au Lycée française à Rome (РАИ).

38 Enciclopedia Italiana di scienze, lettere ed arti. Pubblicata sotto l'alto patronato di S. M. il Re d'Italia. Roma: Istituto della Enciclopedia Italiana fondata da Giovanni Treccani, 1936, XXXI, p. 793–795.

39 Имеется в виду кн.: *Raymond M. De Baudelaire au Surréalisme*. P., 1933.

40 *Ivanov V. Dichtung und Briefwechsel aus dem deutschsprachigen Nachlass*. Her. von M. Wachtel. Mainz, 1995, S. 70. Оригинал по-немецки.

41 Римский архив, оп. 1, карт. 5, тетрадь 16. Тетрадь доступна по адресу: <http://www.v-ivanov.it/archiv/opis-1/karton-5/p16/op1-k05-p16-f01.jpg> и далее. Рабочий характер выписок показывает л. 51, где находим аналитический указатель к тетради.

42 Письмо от 13 марта 1936 г., РАИ.

43 РАИ, оп. 5, к. 19, п. 10.

44 Здесь и далее курсивом выделены слова, написанные Патуйе по-русски.

Жервез Тассис

## Пруст и прустрианцы

В 1919 году Париж еще не стал столицей русского зарубежья, тем не менее в нем уже живет много русских эмигрантов, в том числе художники и писатели, как, например, Алексей Толстой или Марк Алданов. В конце того же года достигает славы Марсель Пруст, уже немолодой (ему тогда было 48 лет) французский прозаик, которому 10 декабря присуждена Гонкуровская премия. Это между прочим вызывает большой скандал, но слава французского писателя обеспечена. Главная причина этого нашумевшего скандала в том, что члены Гонкуровской академии, всего-навсего через год после перемирия и через несколько месяцев после подписания мирного договора и еще после того, что сами во время войны венчали романы, написанные об этой катастрофе, например «Огонь» Анри Барбюса в 1916 году, предпочли роман «Под сенью девушек в цвету» роману ветерана Ролана Доржелеса «Деревянные кресты», пользовавшемуся притом большим успехом у публики. К тому же Пруст получил эту премию вопреки ее регламенту и не без помощи своего друга Леона Додэ, члена жюри. В самом деле, по завещанию Эдмона де Гонкура, премия должна была присуждаться начинающему молодому писателю, чтобы позволить ему впредь целиком посвятить себя творчеству. Очевидно, что Пруст, обеспеченный рантье, позволивший себе до войны издать «В сторону Свана»<sup>1</sup> за свой счет, – неподходящий лауреат, и на другой день можно было читать в «Юманите» статью под заглавием «Place aux vieux» («Дорогу старикам»). К тому же в то время много друзей